Пестелю, – убежден, что вашими стараниями и подвигами этот обширный и богатый край будет приведен в цветущее состояние. Этому немало может способствовать Камчатка, которую я считаю правой рукой Сибири и всей Российской империи. Нет-нет, – заметил он недоумение Пестеля, – я совсем не хочу представить Камчатку в наивыгоднейшем перед другими местами свете. Я хочу только сказать, что обычные понятия о ней несправедливы, и она своим положением, климатом и природными богатствами способна к улучшению и достойна этого». Пестель не прерывал импульсивного негоцианта, хотя о его проекте он уже знал из письма Рикорда. Многое в нем отвечало и намерениям Пестеля, на ком лежала тяжкая забота о землях, простершихся от Урала до русских колоний в Америке. В секретере генерал-губернатора уже хранились наброски доклада Александру I, где сибирский наместник предлагал привлечь иностранцев к снабжению восточных окраин нужными товарами. «Нет сомнения, – подчеркивал он, – что оные товары несравненно дешевле стали бы обходиться, будучи доставляемы морем из ближайших к Камчатке мест, чем ныне перевозятся оные чрез шесть тысяч верст единственным и чрезвычайно затруднительным сухопутным путем».

– А что, если этот ретивый непоседа сможет расшевелить наших петербургских тугодумов, – усмехнулся он, глядя на взволнованного американца.

Добелл выезжал из Иркутска, ободренный поддержкой сибирского властителя. В его сюртуке лежало рекомендательное письмо к государственному секретарю графу Карлу Нессельроде. «Кажется мне, господин Добелл в состоянии подавать мысли, нужные не токмо для Сибири, но для всей России», – писал Пестель.

Пока наш герой движется по застуженным городам и весям Сибири, постараемся понять, почему его проекты нашли все-таки поддержку. Нелишне здесь вспомнить блистательного камергера Николая Резанова, романтического героя нашей литературы. Участник плавания Крузенштерна, наделенный широкими дипломатическими полномочиями, он не закончил кругосветку, отправившись с Камчатки в Русскую Америку. Так что с Добеллом ему встретиться не довелось. Но любопытно, что примерно в то время, когда американский коммерсант с жаром излагал Крузенштерну свои планы в Макао, Николай

Резанов, находившийся в бухте Иллюлюк, что на Уналашке, писал Александру I следующее: «Нужно исходатайствовать от гишпанского правительства позволения покупать на Филиппинских островах и в Хине (Китае) тамошние продукты… и снабдить всю Камчатку…» Впрочем, пылкий граф Резанов новатором не был. С открытием Камчатки, Курил, Сахалина, обретением американских колоний снабжение восточных земель России становилось все более проблематичным. Это сознавал уже один из основателей Российско-Американской компании, «Колумб российский», Григорий Шелихов, еще в 1787 году предлагавший использовать Петропавловский порт для открытия торговли с английской Ост-Индской компанией с учреждением азиатского представительства России. Наконец, Крузенштерн. Шелиховские ходатайства сибирскому губернатору И. А. Пилю и Екатерине II вряд ли были ему известны. Но, совершив первое плавание вокруг света, он воочию убедился: из Кронштадта Камчатку и американскую Новороссию не прокормишь. Так фантом южно-азиатского рынка начинал обретать реальные очертания. Для осуществления этой идеи одержимый Добелл подходил вполне. Этому человеку судьба уготовила роль импульса.

В марте 1813 года американец миновал сожженную французами Москву. Над закопченными куполами кремлевских соборов кружились бесчисленные вороньи стаи. На выгоревших дотла улицах стучали топоры, ставились дубовые срубы домов: из пепелищ поднималась новая Россия, послевоенная. Впрочем, война еще продолжалась.

Петербург купался в лучах боевой славы. В военной галерее Зимнего дворца готовились места для портретов новых российских полководцев. В светских гостиных блистал приехавший из варшавской ставки Кутузова герой Бородина и Смоленска генерал Михаил Милорадович: он был принят Александром I и получил на эполеты императорские вензеля. Над северной столицей грохотали салюты, отмечая победоносное шествие русских войск по Европе. Петербургские чиновники были на редкость внимательны и благосклонны, и Добелл с помощью Крузенштерна добился приема у статс-секретаря Карла Нессельроде и вручил тому рекомендательные письма Пестеля и Рикорда. «Вы правы, мой друг. Завершая дела на Западе, мы ни на минуту не должны забывать о Востоке», –